

Глава 45. Деревня Цзюаньлоу 10

Вернёмся к утру.

Мин Чжаолинь проснулся с первыми криками петуха.

Он думал, что Лу Хуэй с его-то чутким сном тоже проснётся, но увидел, что дверь Лу Хуэя закрыта, а внутри было слышно ровное дыхание — очень тихое, но его пять чувств были острее обычного, поэтому, прислушавшись, он мог отсеять другие звуки и уловить это слабое посапывание.

Мин Чжаолинь сначала хотел просто войти, ведь для него никогда не существовало понятий вежливости или такта.

Но после вчерашних колкостей Лу Хуэя... Мин Чжаолинь остановил себя от этого бесцеремонного поступка.

Спустившись вниз, он увидел на первом этаже Ло Е и двух других игроков, чьих имён он не запомнил.

Вообще-то, имя Ло Е он тоже сначала не запомнил, но Лу Хуэй произнёс его несколько раз, и оно отпечталось у него в памяти.

Неизвестно, что они делали, но, увидев его, они явно запаниковали.

Тогда Мин Чжаолинь неспешно поднял руку и, глядя на кончики пальцев, спросил их:

— Кто из вас начнёт первым?

Этот жест напугал троицу до полусмерти. Парень со стрижкой без колебаний выпалил:

— Мы прошлой ночью не спали, слышали, как из шкафа доносился плач, похожий на детский. Но такой, будто рот был прикрыт, очень тихий, похожий на галлюцинацию.

Мин Чжаолинь опустил руку:

— Гардероб?

Парень со стрижкой поспешно кивнул:

— Д-да!

Поверил ли им Мин Чжаолинь или нет, они не знали, но он снова усмехнулся:

— Тогда чего вы испугались, увидев меня?

Будь здесь Лу Хуэй, он бы обязательно сказал: «В этом игровом мире тех, кто не пугается при виде тебя, можно по пальцам пересчитать».

Но эти игроки не смели подшучивать над Мин Чжаолинем, как Лу Хуэй, и могли лишь, дрожа отвечать.

— Потому что, потому что...

Разве бояться Мин Чжаолиня — не нормально?!

Особенно когда Цзюнь Чаомяня нет рядом!

— Никто не осознавал, что прошло всего две ночи, а их подсознание уже признало Цзюнь Чаомяня «предохранителем» Мин Чжаолиня.

Он не успел выдать из себя ответ, как Мин Чжаолинь уже потерял интерес его слушать.

Скучно.

Он вышел на улицу и, глядя на несколько рассеявшийся туман, слегка прищурился.

Мин Чжаолинь вспомнил, как Лу Хуэй говорил, что видел в том направлении угол вздёрнутой крыши, поэтому направился туда.

Всматриваясь некоторое время, он с трудом разглядел тот самый угол.

Мин Чжаолинь бывал в инстансах с древним сеттингом, поэтому кое-что знал, и это не было похоже на стилизацию под старину.

«Обряд» приближается?

Мин Чжаолинь перевёл взгляд на Ло Е и остальных:

— Принесите ваши рюкзаки.

Трое замерли, а Мин Чжаолинь меж тем отодвинул стул, сел и с небрежным видом, источающим ледяную убийственную ауру и подавление, произнёс:

— Жизнь или зацепки — выбирайте сами.

Ло Е и другие не могли отказаться. Они даже не посмели спрятать зацепки, ибо не могли определить, знал ли Мин Чжаолинь, что у них было.

Стиснув зубы, Ло Е отдал свой рюкзак.

В первый день, когда Мин Чжаолинь не спросил, он ещё подумал...

Осмотрев рюкзаки всех троих, Мин Чжаолинь задумался.

Связь каждого с деревней была разной.

У него — фотография; у того Ци Бая — рисунок деревни сверху; у Яо Хаохао — рабочий дневник, содержание которого явно было посвящено расследованию деревни; у того, что превратился в барана, — камень-талисман; у Ло Е — деревянная резная голова барана, небольшая, размером с ладонь; затем у игрока со стрижкой — открытка, пейзаж на которой не имел отношения ни к деревне Цзюаньлоу, ни к горам Цзюаньлоу, но на обороте был адрес деревни Цзюаньлоу и надпись: «Обязательно прибыть 27 апреля, иначе в деревню не попасть»; а у того крепко сложенного игрока, что ходил с Ло Е в туман, было письмо.

В письме не было обращения и подписи в конце, но содержание явно относилось к деревне.

[Я знаю, ты всё ищешь ответ, я тоже. Этот сон долго преследовал нас. Я кое-что разузнал и ухватился за ниточку. Не уверен, безопасно ли ехать туда. Многие отговаривали меня, но я очень хочу получить ответы. Ты наверняка поймёшь мою одержимость.

Если ты читаешь это письмо, значит, со мной что-то случилось. Если ты всё ещё хочешь узнать правду, я советую не продолжать поиски. Я подготовился как мог, но всё равно попал в беду, значит, опасность здесь превышает все ожидания, её невозможно предугадать.

Но если, прочитав это, ты всё же захочешь докопаться до истины, тогда иди в мой дом, включи

мой компьютер. Все собранные мной материалы сохранены в папке, ты найдёшь их.]

Перевернув лист, Мин Чжаолинь увидел на обороте надпись: «Горы Цзюаньлоу, деревня Цзюаньлоу».

Он медленно сложил письмо и поднял взгляд на игрока, стоявшего неподалёку:

— В твоей предыстории сказано лишь, что ты исследователь?

Тот игрок, очевидно, тоже понимал, что его зацепка отличается от других, поэтому поспешно ответил:

— Да! У меня и вправду нет воспоминаний об этом, в предыстории от системы тоже не упоминалось, что я смотрел папку на компьютере и что там было.

Мин Чжаолинь многозначительно усмехнулся, положив письмо обратно.

Может, это письмо предназначалось не ему?

У того, что превратился в барана, в рюкзаке был камень, то есть талисман.

Из слов того NPC можно было сделать вывод, что среди них определённо есть игрок из другого лагеря, то есть тайный агент «игроков-деревенщин», ведь талисман — это то, что жители деревни брали с собой, уезжая.

... Неужели тот, кто превратился в барана, и был тем агентом?

Такое совпадение не исключено. В конце концов, пойманный им игрок тоже сказал, что система не упоминала в их предыстории о «Незавидном баране», они не знали и даже ели его.

Но ночью к ним также не приходила и «женщина».

Одной лишь этой особенностью было достаточно, чтобы Мин Чжаолинь убедился в одном —

Настоящей зацепкой Лю Ханя был не тот камень, кто-то подменил её.

А вот это уже интересно.

Мин Чжаолинь слегка усмехнулся, глядя на троицу перед собой.

Он был уверен, что Цзюнь Чаомань, услышав от того NPC, что камень был их местным талисманом, тоже подумал об этом. Но... кого из этих троих Цзюнь Чаомань посчитал бы достаточно умным, чтобы додуматься подменить зацепку?

Взгляд Мин Чжаолиня, изучающий их, заставил Ло Е и других внутренне содрогнуться, их нервы напряглись до предела.

Их спас подошедший Ян Цяньфань.

Ян Цяньфань:

— Вы снова не будете завтракать?

Мин Чжаолинь не собирался достаивать его вопрос ответом, лишь приподнял бровь и спросил в ответ:

— Вам что-то нужно?

Ян Цяньфань и вправду отличался от обычных NPC. Обычно NPC в инстансах в основном похожи на реальных людей, поэтому игрокам приходится изощряться, чтобы их обмануть. Но NPC этой деревни... как и говорил Лу Хуэй, были словно марионетки, лишённые собственной души и мыслей, и лишь в определённых ситуациях казались живыми.

Даже осознавая, что это инстанс, игра, это ощущение, когда перед тобой человек, но без человеческих чувств, было крайне жутким, заставляя их невольно бояться и трепетать.

Но у таких NPC было и преимущество, когда Мин Чжаолинь проигнорировал его вопрос и спросил в ответ, тот не придавал этому значения:

— Хочу попросить вас о помощи.

Ян Цяньфань сказал:

— Сегодня очень важный день для нашей деревни, но молодёжи почти не осталось, а мы, старики, немощны и не справляемся с работой.

Пока он говорил, Ци Бай и Яо Хаохао как раз спустились вниз и вместе с Мин Чжаолинем и остальными стали слушать задание от NPC.

Ян Цяньфань продолжил:

— Поэтому мы хотим попросить вас помочь, перенести кое-что и тому подобное.

Яо Хаохао подошла и спросила:

— Нужны все?

Ян Цяньфань посмотрел на неё и покачал головой:

— Работа тяжёлая, ты много не сможешь, да и разве можно девушке таскать тяжести?

Ци Бай:

— Сестра Хаохао, тогда может останешься здесь? Как раз мой брат ещё не встал.

Ян Цяньфань взглянул на него:

— Парень, и ты оставайся.

Он сказал:

— Ты слишком худой, да и ты художник, будет плохо, если повредишь руки.

В их первый день в инстансе, то есть при входе в деревню, Ци Бай действительно говорил, что он художник, так что неудивительно, что Ян Цяньфань знал об этом.

Но чтобы художник получал такие привилегии... Ци Бай естественно удостоился взглядов Мин Чжаолиня и остальных.

Ци Бай втянул шею, немного помедлил, но в итоге не стал говорить NPC, что он справится.

В основном потому, что этот NPC до этого был таким «деревянным», а теперь вдруг проявил человечность — возможно, это был особый сюжетный поворот.

Мин Чжаолинь поднялся:

— Веди.

Хотя его просили помочь с работой, это прозвучало так, будто он собирается куда-то явиться с визитом.

Ян Цяньфань снова стал «заторможенным».

Он повёл Мин Чжаолиня и четверых других прочь из дома.

Они шли вглубь деревни, как раз в направлении запретной зоны, и остановились у дома той самой старухи.

По пути Мин Чжаолинь внимательно осматривался, но ни тот странный NPC, ни другие игроки не показывались. Неизвестно, были ли они временно не в деревне, уйдя в другое место, или же сюжет требовал от них не выходить сейчас из домов.

Подойдя к дому старухи, они увидели множество стариков, стоявших у её дома и о чём-то беседующих. Все были мужчинами, женщин не было.

Ло Е удивлённо спросил:

— Дядюшка, что это у вас за мероприятие такое?

Ян Цяньфань:

— Жертвоприношение.

«?»

Мин Чжаолинь взглянул на него:

— Разве вы не разуверились в богах?

Ян Цяньфань:

— Это другое. Тот, кому мы приносим жертвы, не похож на них.

Он не стал вдаваться в подробности, лишь начал распределять задания.

Это была и впрямь тяжёлая работа: в основном нужно было помочь собрать примитивную сцену — временную конструкцию из алюминиевых каркасов, собранную в несколько ярусов, накрытую какой-то некачественной тканью. Ткань была тёмно-красного цвета с тёмным узором. Мин Чжаолинь присмотрелся, и ему показалось, будто это очертания «двуногих баранов», покрывающие всю поверхность.

Мин Чжаолинь достал из кармана резинку и собрал волосы.

Пока он завязывал волосы, появилась и старуха.

Старуха посмотрела на него и спросила:

— Твой друг не пришёл?

Мин Чжаолинь опустил руки и холодно взглянул на неё.

Друг?

Это она о Цзюнь Чаомане?

— Он тебе нужен?

— Нет.

Старуха, заложив руки за спину, сказала:

— Просто я думала, вы неразлучны.

Мин Чжаолинь: «?»

С чего это они с Цзюнь Чаоманем произвели такое впечатление?

Мин Чжаолинь не стал утруждаться ответом, а старуха в свою очередь больше не заговаривала с ним.

Когда сцена была в основном готова, Ян Цяньфань и другие сельчане поблагодарили их, а затем каждый принёс по миске с чем-то.

Было непонятно, что именно, запаха не было, но жидкость была чисто белого цвета, гуще молока, но жиже йогурта.

Ян Цяньфань:

— Это одно из местных блюд нашей деревни, попробуйте.

Мин Чжаолинь отказался:

— Я соблюдаю пост.

Несколько человек: «?»

Но такое его отношение заставило Ло Е и других тоже не решаться пить.

Особенно потому, что Мин Чжаолинь, в отличие от других игроков, ждущих реакции NPC, просто взял и прошёл мимо загораживавшего ему путь Ян Цяньфаня, небрежно вытер пот со лба и направился обратно.

Ло Е и другие переглянулись и в итоге последовали за Мин Чжаолинем.

.

— ... Значит, эта штука, вероятно, была кашей из перемолотых костей?

Лу Хуэй с задумчивым видом смотрел на Мин Чжаолиня:

— В конце концов, в той песенке пелось: «Бараний костяк растирается в кашу».

Мин Чжаолинь лениво промычал.

Лу Хуэй снова спросил:

— Тогда почему ты смотрел на меня так холодно?

Этот вопрос не имел отношения к инстансу. Мин Чжаолинь взглянул на него, но не ответил, вместо этого, ровным тоном спросив:

— Почему ты проспал?

Лу Хуэй: «...?»

С чего это Мин Чжаолинь вдруг дуется?

Он рассказал о своём сне и продолжил:

— Неужели тебя до сих пор беспокоит вчерашнее?

Ци Бай украдкой наострил уши.

Что? Что случилось прошлой ночью?

Но Мин Чжаолинь снова не ответил ему:

— Сверим догадки. Кого ты подозреваешь?

— ... Хоу Шибиня. — Лу Хуэй, казалось, и вправду не понимал, что случилось с Мин Чжаолинем, но, вздохнув, всё же вежливо ответил. — Тот, что ходил с Ло Е... Ло Е же ты помнишь... тот игрок, что ходил с Ло Е в туман. Невысокий, но крепко сложенный.

Мин Чжаолинь кивнул:

— Я тоже его подозреваю.

Ци Бай посмотрел то на одного, то на другого, затем на задумавшуюся Яо Хаохао и не выдержал:

— Э-э... Может, кто-нибудь объяснит для тупеньких? QAQ

Яо Хаохао:

— Всё просто. Они подозревают его потому, что Ло Е сказал, что они разминулись в тумане. Насколько помнил Ло Е, они немного побродили в тумане и вышли, но после выхода время сдвинулось на четыре часа... Если проблема не в самом тумане, то, вероятно, что-то сделал Хоу Шибинь.

Способность.

Лу Хуэй:

— Более того, я склонен считать, что они, возможно, что-то видели... Может, способность Хоу Шибиня — [Забвение] или [Извлечение памяти] или что-то подобное.

Мин Чжаолинь слегка приподнял бровь.

По выражению его лица Лу Хуэй понял, что тот заинтересовался этой способностью.

Ци Бай:

— Тогда... как мы узнаем?

Лу Хуэй кивком указал на Мин Чжаолия:

— У нас же есть кое-кто.

Вряд ли Хоу Шибинь окажется крепким орешком.

Ци Бай осторожно взглянул на Мин Чжаолия.

Он тоже заметил, что сегодня Мин Чжаолия игнорирует Лу Хуэя, поэтому не был уверен, поможет ли тот.

Однако, к удивлению, Мин Чжаолия неспешно поднялся:

— Я не спрашивал утром, ждал тебя.

Чтобы Цзюнь Чаомань не заподозрил, не скрывает ли он что-то.

Мин Чжаолия увидел, как на лице Лу Хуэя промелькнуло удивление, словно тот не ожидал от него содействия, приподнял бровь и с неким намёком произнёс:

— Кстати... забыл тебе кое-что сказать.

Он склонил голову набок, уже распущенные волосы слегка колыхнулись, а слишком длинная чёлка сбоку скрыла его персиковые глаза, маскируя любопытство и тёмные мысли:

— Я уже использовал свою способность один раз.

Лу Хуэй: «?»

Он с недоверием уставился на Мин Чжаолия:

— Что ты сказал?

Когда Мин Чжаолия использовал свою способность?!

Он вспомнил, как Мин Чжаолинь заинтересовался тем [Зеркалом, обличающим злых духов]:

— ... Ты же знал, что в этом инстансе не всё чисто, и всё равно так безрассудно поступил? Неужели не боишься проиграть?

Мин Чжаолинь же никак не отреагировал. Увидев реакцию Лу Хуэя, он понял, что тот подумал о [Зеркале], и тихо усмехнулся.

Неужели Цзюнь Чаомань и вправду не знает, когда он использовал способность?

Он не верил.

Мин Чжаолинь не стал спрашивать, а лишь усмехнулся и грациозно удалился.

Он не хотел говорить больше, и Лу Хуэю было неудобно допытываться, ведь сейчас важнее был инстанс, и он не думал, что Мин Чжаолинь использовал способность на что-то, связанное с инстансом.

Они пошли схватить Хоу Шибиня, и всё прошло на удивление гладко.

В основном потому, что поймать обычного игрока для Мин Чжаолиня не составляло особого труда.

Да ещё и удалось избежать Ло Е и другого игрока.

Они заперли Хоу Шибиня в комнате Яо Хаохао, притворив за собой дверь. Хоу Шибинь, глядя на этих четверых «злодеев», уже обливался холодным потом:

— Вы... что вы собираетесь делать?!

Лу Хуэй смотрел на него с улыбкой:

— Ты, наверное, слышал о репутации и характере Мин Чжаолиня... Мы спрашиваем — ты отвечаешь. Будь поговорчивее, хорошо?

Хоу Шибинь в ужасе смотрел на них, не в силах сразу ответить, но Лу Хуэю было всё равно, согласится тот или нет:

— Ты подменил вещи в своём рюкзаке и в рюкзаке Лю Ханя, верно?

Хоу Шибинь пошевелил губами, собираясь что-то сказать, но Лу Хуэй поднял указательный палец, предупреждая:

— Подумай, прежде чем говорить.

Он присел перед ним на корточки, и в сочетании с его привлекательной внешностью казался весьма дружелюбным.

Но Мин Чжаолин, сидевший позади него чуть поодаль, со скрещенными на груди руками и распущенными длинными волосами, смотрел на него, своими холодными и равнодушными глазами-персиками, как на букашку. У Хоу Шибиня в голове пронеслось, что стоит Мин Чжаолиню хоть немного заподозрить его, и скрыть ничего не удастся.

Потому что ему было плевать на доказательства, и тем более плевать виновен ты или нет, он просто тебя убьёт.

Поэтому всё, что он мог сделать...

С мертвенно-бледным лицом Хоу Шибинь выложил все свои махинации:

— Да, это я подменил... Потому что моя роль — не пришлый исследователь, а уроженец этой деревни, просто уехавший учиться и работать... В моей предыстории сказано, что сегодня... то есть в день нашего прибытия в инстанс, 27 апреля, в деревне должно было случиться событие, и нас попросили вернуться. Но поскольку мои родители умерли много лет назад, и ещё потому, что мой друг, тоже уехавший из этой деревни, сказал, что чувствует неладное в этом внезапном вызове обратно, я вернулся под видом приезжего.

Именно поэтому он был с ними.

Лу Хуэй слегка приподнял бровь:

— Значит, ты знал, что камень — это талисман?

Хоу Шибинь, закрыв глаза, кивнул:

— Когда я увидел тот камень в рюкзаке, у меня всплыли воспоминания о талисмানে.

Бафф памяти — обычное дело в сюжетных инстансах.

В конце концов, хотя сюжетные инстансы требуют от игроков сложить историю воедино, они не оставляют их полностью без информации, чтобы те даже не знали, когда выдают себя.

Хоу Шибинь изначально думал, что Лу Хуэй и остальные такие же, как он, и лишь когда проболтался Ло Е, он узнал, что этот инстанс с битвой фракций.

Поэтому, после превращения Лю Ханя в барана, он нашёл способ поменять свою зацепку с зацепкой Лю Ханя.

Хоу Шибинь:

— ... И в тумане это я использовал способность, стерев память Ло Е. На самом деле, мы последовали за теми сельчанами и добрались до одного места. Там повсюду были такие камни, и, кажется, из них был сложен алтарь.

Они не только увидели тот самый алтарь, который, по словам Цзян Ципэна, был заброшен, но и видели, как те люди стояли на коленях перед алтарём, что-то бормоча:

— «Прости нас за бывшее невежество, грехи и глупость».

— «Отпусти тех детей, что несут ту же кровь, что и мы. Возможно, они не невинны, но у них не было выбора, они ничего не знали».

— «Мы принесём тебе новую жертву, позволь нам, прими наше покаяние».

...

Тогда Хоу Шибинь и осознал, что означает эта битва фракций.

Поэтому он и активировал способность.

Мин Чжаолин, сидя на стуле, небрежно теребил кончики волос:

— Какая у тебя способность?

Хоу Шибинь тоже был опытным игроком, иначе не смог бы сделать столько, поэтому он хорошо понимал, что нельзя просто так рассказывать о своей способности.

Но...

С отчаянием Хоу Шибинь выдохнул:

— ... [Изменение восприятия].

И добавил:

— Моя способность — [Изменение восприятия], но сейчас я могу изменять лишь кратковременные воспоминания, заставляя цель забыть, что она только что видела или слышала. Больше ничего.

Но эта способность всё же оказалась мощнее, чем предполагал Лу Хуэй.

Лу Хуэй мысленно присвистнул.

Имя и суть способности известны, будет ли Мин Чжаолинь использовать свою способность во второй раз?

Лу Хуэй взглянул на Мин Чжаолиня.

Сложность этого инстанса явно выше, чем у санатория, и здесь нет новичкового баффа, вдвое снижающего опасность босса. Если Мин Чжаолинь и вправду уже использовал способность один раз, ему придётся выбирать, ведь среди его украденных способностей есть немало атакующих, способных гарантированно одолеть босса.

Мин Чжаолинь встретился с ним взглядом, многозначительно усмехнулся и, казалось, поняв, о чём тот думает, бросил взгляд мол «угадай сам».

Лу Хуэй: «...»

Кому охота угадывать.

Но... хорошо, что Мин Чжаолинь выглядит как обычно.

Так из-за чего он тогда дулся?

Лу Хуэй не понимал и не хотел спрашивать.

Он снова посмотрел на Хоу Шибиня:

— Что ещё? Ты встречался с ними?

Хоу Шибинь понял, кого тот имел в виду под «ними»:

— Я виделся не со всеми, только с двумя... У той фракции тоже есть крутые игроки.

Под «крутыми» он имел в виду тех, кто в рейтинге, но ещё не достиг уровня центральной зоны.

Но Лу Хуэй лишь приподнял бровь с насмешливой улыбкой:

— Я спрашивал других игроков вашей фракции, они сказали, что не видели игроков из рейтинга.

— О-он замаскировался.

Хоу Шибинь нервно вспотел:

— Но поскольку я сталкивался с ним в инстансах уже дважды, я узнал его... Хотя я не могу утверждать точно, просто показался похожим.

Хоу Шибинь:

— Это Вэнь Юаньшуй, второй в рейтинге.

Лу Хуэй тихо ахнул.

В этом инстансе собрались и первый, и второй в рейтинге? Тогда сложность инстанса может быть ещё выше. Не такая простая, как кажется сейчас... Может, обряд — это только начало?

Лу Хуэй думал, что обряд означает конец инстанса, но теперь видно... что-либо прошла лишь половина, либо он вообще только начался.

При условии, конечно, что это действительно Вэнь Юаньшуй.

Хоу Шибинь знал лишь это, больше выжать из него было нечего.

Поэтому Лу Хуэй поднялся и взглянул на выглядевшего озарённым Мин Чжаолиня:

— О чём думаешь?

— Имя Вэнь Юаньшуй кажется мне знакомым.

«...»

Лу Хуэй не сдержал усмешку:

— Кого ты разыгрываешь?

Другие могут не знать, но он-то знает Мин Чжаолия!

Способность Вэнь Юаньшуя настолько необычна, что Мин Чжаолия точно должен её запомнить.

Он просто пытается выудить у него информацию.

Вэнь Юаньшуй сталкивался с Мин Чжаолием в инстансах несколько раз и много раз от него страдал.

Этому второстепенному персонажу, Вэнь Юаньшуй, Лу Хуэй тоже уделил немало внимания. Тот любил изображать элегантного и учтивого, был улыбчивым, но коварным, настоящий лис.

Такой человек обожал с улыбкой подставлять других, но столкнулся с Мин Чжаолием, который играет без правил...

Мало того, что они знакомы, можно даже сказать, что Вэнь Юаньшуй испытывает к Мин Чжаолию личную неприязнь.

А почему лишь он...

Что ж.

Мин Чжаолия, прирождённый искатель удовольствий, разве мог считать это неприязнью?

Мин Чжаолия усмехнулся:

— Его способность несколько необычна, я ещё не догадался, что это.

Он с улыбкой спросил:

— А-Мань, а ты знаешь, что это за способность?

Лу Хуэй откровенно признал:

— Знаю, но с чего бы я стал тебе рассказывать?

Способность Вэнь Юаньшуя не слабая, даже очень сильная. Рассказать Мин Чжаолиню, чтобы тот забрал её и стал ещё сильнее, вырастив себе более мощного противника?

Он что, больной?

Мин Чжаолинь тихо усмехнулся, но не стал допытываться.

.

Обед был обычным, без каких-либо следов баранины, поэтому все плотно поели.

После обеда Ян Цяньфань сказал им, что сегодня в деревне важный день, все должны участвовать в жертвоприношении, даже приезжие, раз уж они в деревне.

Лу Хуэй поинтересовался:

— А если мы не пойдём?

Ян Цяньфань покачал головой:

— Нельзя не пойти.

Он не сказал, каковы последствия отказа, бросив лишь эту фразу, создавая иллюзию выбора и став ещё более «деревянным».

Впрочем, Лу Хуэй и остальные не стали проверять, что будет, если не пойти, ибо не было необходимости.

Это ведь не игра с сохранениями, не стоит ставить ненужные эксперименты ценой собственной жизни.

Когда они с Ян Цяньфанем добрались до места жертвоприношения, то увидели толпу стариков.

В основном все были того же возраста, что и Ян Цяньфань, морщинистыми и дряхлыми на первый взгляд, вызывая сомнения, доживут ли они до завтра.

Но, как и прежде, были только мужчины, женщин не было.

Лу Хуэй слегка прищурился и ткнул Мин Чжаолиня локтем в руку, указывая тому взглядом.

Но Мин Чжаолинь уже заметил.

Рядом с построенной ими сценой появилось нечто вроде юрты. Занавеска колыхалась на ветру, и сквозь неё было видно несколько человек. Хотя лиц разглядеть не удавалось, по фрагментам одежды можно было определить, что это молодые люди.

Пока они смотрели туда, появилась старуха, сменившая одежду на нечто, очень похожее на шаманское облачение. Она опиралась на странный посох длиной около двух метров. Навершие посоха напоминало баранью голову с рогами, чем-то средним между козлиными и овечьими, не совсем отчётливыми.

На рогах висело несколько связок шестигранных медных колокольчиков размером с кончик указательного пальца. На колокольчиках тоже были узоры, связанные с баранами, но из-за их малого размера и слишком плотной, замысловатой резьбы Лу Хуэй не мог разглядеть, пока Мин Чжаолинь не сказал ему.

Старуха встала в центре сцены, а Ян Цяньфань и несколько других человек вместе внесли на сцену треножник с резной бараньей головой и поставили его перед старухой.

Лу Хуэй шёпотом сказал Мин Чжаолиню:

— Знаешь? В древности треножники использовали для варки людей.

Мин Чжаолинь приподнял бровь, с возросшим интересом взглянув на треножник.

Старуха размахивала посохом, исполняя на сцене несколько странный, но элегантный танец. Иногда Лу Хуэю чудилось, будто он видит на сцене то девушку, то женщину, грациозно танцующую с посохом в руках и одетую в шаманские одежды.

Медные колокольчики звенели в такт её движениям. Ян Цяньфань и другие внизу склонились в поклоне, стоя на коленях. Непонятные заклинания лились из уст старухи, и Лу Хуэй почувствовал, как его сознание затуманивается.

Он очнулся, лишь когда Мин Чжаолинь рядом с ним резко поднял руку, тыльной стороной слегка задев его ухо, и в тот же миг схватил руку одного сельчанина:

— Что ты делаешь?

Тот сельчанин опустил голову:

— Вы приезжие. Чтобы жертвоприношение прошло должным образом, вам нужно завязать глаза.

Лу Хуэй очнулся и увидел, что глаза Яо Хаохао и остальных уже были завязаны белой тканью. Обычный материал, без узоров или заклинаний, но почему-то вызывающий неприятные ощущения.

Мин Чжаолинь сжимал руку сельчанина, собиравшегося завязать ему глаза:

— А если я откажусь?

Его пальцы сжались сильнее. Лу Хуэй стоял рядом и так же ясно, как и он, услышал странный звук, исходящий от его запястья.

Словно...

Звук примятой соломы, обтянутой кожей.

Они незаметно переглянулись, а старуха на сцене тем временем продолжала танцевать.

Лу Хуэй вонзил ногти в свою ладонь и, после того как сельчанин безэмоционально произнёс «это не по правилам», сам закрыл глаза:

— Давайте.

Мин Чжаолинь взглянув на него, понял его намёк, отпустил руку и выхватил белую ткань у сельчанина:

— Я сам.

Лу Хуэй же позволил сельчанину завязать себе глаза.

В момент, когда ткань коснулась глаз, произошло нечто жуткое.

Лу Хуэй почувствовал, будто оказался в огромном коконе. Он ничего не слышал, не видел и не мог пошевелиться, лишь звон колокольчиков стоял в ушах, окутывая его.

Но в то же время он странным образом смутно ощущал, что перед ним кто-то остановился...

Другая группа игроков вышла из «юрты». Замаскированный Вэнь Юаньшуй, взглянул на Мин Чжаолиня, стоявшего со скрещёнными на груди руками, и специально обошёл его стороной.

Он счёл этого игрока зловещим и не хотел с ним связываться, поэтому автоматически избегал

и Лу Хуэя рядом с Мин Чжаолинем.

Он обошёл круг и в итоге выбрал Яо Хаохао, остановившись перед ней. Единственная девушка-игрок... должно быть, с ней легче справиться.

Вэнь Юаньшуй мысленно сказал: прости, сестрёнка.

Раньше он тоже помогал ей, так что уж пусть не сердает.

Вэнь Юаньшуй взял у своих «родителей» иглу и чашу, уколол кончик пальца и капнул свою кровь в неизвестную субстанцию — белую и вязкую жидкость.

Едва он собрался взять кровь из виска Яо Хаохао, как та внезапно открыла глаза —

[Фонарь семи душ · Шигоу]!

* 七魄 (Qī Pò Dēng) — «Фонарь Семи Душ».

В даосской и народной китайской традиции «пу» (魄, pò) — это одна из двух составляющих души человека (вторая — «хунь», 魂). В отличие от хунь, связанных с духовностью и небом, пу считаются земными, телесными аспектами души. Существует представление о семи «пу», каждая из которых отвечает за определённую функцию организма и сознания.

** 尸狗 (Shī Gǒu) — «Шигоу» (досл. «трупный пёс»).

Это одна из семи «пу» (魄). Шигоу отвечает за инстинкт самосохранения, бдительность и тревожность. Считается, что именно эта «пу» не даёт человеку спокойно спать — она пробуждается при малейшей угрозе, даже во сне. Даосские тексты описывают её как «собаку, сторожащую тело», — отсюда метафорический образ «пса, охраняющего труп».

Фонарь, похожий на зоотроп*, внезапно возник перед Яо Хаохао. Фонарь был сине-белым, его поверхность быстро прокрутилась, и в момент появления иероглифов «Шигоу» Лу Хуэй тоже резко схватил стоявшего перед ним дрожащего игрока.

* 走马灯 (zǒumǎdēng) - Это традиционный китайский бумажный фонарь, внутри которого размещён источник тепла (свеча или лампа). От восходящих потоков горячего воздуха начинает вращаться цилиндрический каркас с вырезанными или нарисованными фигурами — чаще всего всадниками на конях, охотниками, воинами или сценами из оперы. Когда фонарь вращается, тени фигур проецируются на внешнюю стенку, создавая иллюзию движения — будто лошади скачут, люди бегут или сражаются. Отсюда и название.

Все игроки на их стороне «проснулись» и сразу же уклонились от атак, находившихся перед

ними.

Мин Чжаолиню же, даже не понадобилось групповое контрольное умение Яо Хаохао — он уже давно «проснулся» или же вообще не «засыпал».

Он не только одним приёмом обезвредил игрока перед ним, пригвоздив его ударом колена так, что тот вырвал желудочным соком и, согнувшись, потерял сознание, но и, когда Лу Хуэй посмотрел на него, уже ринулся к сцене.

Но в тот миг, когда он бросился к сцене, среагировал Вэнь Юаньшуй.

[Властитель · Устрашение]!

Невидимое подавление мгновенно накрыло всю площадку. Мин Чжаолинь резко замер, словно его придавила незримая гора, и он всем телом согнулся.

Лу Хуэй знал, что способности контроля Вэнь Юаньшуя очень сильны, он многократно писал об этом в романе, но сейчас, испытав это на себе, ему захотелось выругаться.

Ему показалось, что сердце вот-вот разорвётся от давления. К счастью, способность Вэнь Юаньшуя действовала всего секунду.

И в эту секунду Вэнь Юаньшуй без колебаний тоже ринулся к сцене, пытаясь задержать Мин Чжаолиня.

Кроме того, NPC тоже пришли в движение.

Ян Цяньфань и остальные все рухнули на землю, и из их тел вырвались клубы чёрного дыма, мгновенно образовав огромное чёрное облако, нависшее над ними.

В тот момент, когда [Властитель · Устрашение] автоматически рассеялся, старуха тоже прекратила свой танец.

Она уставилась на Мин Чжаолиня, всё ещё рвущегося к ней, и на Лу Хуэя, поднявшего нож-бабочку, чтобы задержать Вэнь Юаньшуя, и пропела ещё одну строчку непонятного заклинания. Никто не мог разобрать слов, но в мгновение ока мир застыл, а мозг Лу Хуэя погрузился в пустоту —

.

— Братец А-Мань.

У самого уха прозвучал кокетливый девичий голос:

— Братец А -Мань!

Парень, лежавший на траве, на стыке юности и зрелости, открыл глаза и резко поднялся.

— Братец А-Мань, — спросила девушка, — тебе кошмар приснился?

Парень, которого звали А-Мань, посмотрел на неё:

— ... Кажется, да.

Он потёр виски:

— Не помню, что снилось... но чувствую, что сон был нехороший.

Девушка похлопала ресницами:

— Может, сходишь к алтарю, помолишься Богу-Барану?

А-Мань слегка приподнял бровь, опустив руку, и две маленькие родинки у внешнего уголка правого глаза снова стали видны, оживляя его лицо:

— Вряд ли.

Он не знал почему... но хоть они и выросли под защитой Бога-Барана, в глубине души он не особо верил в него.